

СЕРГЕЙ СОЛОУХ

*Никому ни за что
ничего не будет*

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
С60

Солоух С.

С60 Никому ни за что ничего не будет : [роман] / Сергей Солоух. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 141 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

ISBN 978-5-517-07534-5

Сергей Солоух — российский прозаик и публицист, который известен не только своими романами, рассказами и эссе, но и многолетними исследованиями жизни и творчества Ярослава Гашека. В книге впервые приведена на русском языке переписка Ярослава Гашека и Ярмилы Майеровой и изложена история их жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07534-5

© Солоух С., 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Эта книга не могла быть написана без постоянной помощи и поддержки моих друзей Йомара Хонси (Jomar Hønsi) и Ярослава Шерака (Jaroslav Šerák). Многолетних и просто фантастических исследовательских и собирательских трудов патриарха гашековедения Радко Пытлика (Radko Pytlík). А равно, библиографических и архивных изысканий дипломниц Пардубицкого и Карлова университетов – Кристины Халоупковой (Kristina Chaloupková) и Маркеты Блеховой (Markéta Blehová). А также всех тех прекрасных и, увы, анонимных людей, что оцифровали фонды чешских архивов (в первую очередь, литературного – Památník národního písemnictví ČR) и библиотек (Národní digitální knihovna/Digitální knihovna Kramerius), и, самое главное, оставили доступ к полученному богатству и роскоши свободным. А если по неведомым техническим причинам и нет, тогда всегда на помощь приходила замечательная исследовательница цыганской доли в Центральной Европе Виктория Шмит.

Ну, а все переводы с чешского, кроме специально указанных случаев, мои собственные.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Дорогая Ярмилка!

Благодаря твоим заботам, и судьба мне благоволила вернуться из нашей воскресной поездки здоровым. Но без несчастья все равно не обошлось, в понедельник, когда я тебя напрасно ждал, пошел сумасшедший дождь и у меня промокли ноги, теперь мне давит грудь и сильный кашель.

Я думал, что ты очень утомилась в той нашей поездке, и поэтому не пошла на службу, и только сегодня утром, когда получил от тебя срочное письмо, узнал, что же на самом деле произошло.

Я сам в понедельник спал до девяти. Как мое исчезновение, так и возвращение особой сенсации не произвели. В конце концов еще днем меня будто бы видели играющего под мухой в карты в винном зале у Валханса.

Сегодня меня еще немного лихорадит, поэтому я к тебе прийти не смогу. Пожалуйста, миленькая, пришли мне те твои рецепты, я буду лечиться.

Сенсацией стало лишь только то, что я вернулся в твоём свитере, особенно это покоя не давало Бэте Зауэр¹. Так я сказал, что выиграл его в те самые карты в воскресенье.

¹ Алжбета Зауер — сестра приятеля, соиздателя и гостеприимного хозяина жижковской квартиры, в которой тогда жил и работал Ярослав, Франты Зауэра.

А сейчас я задремал и снилось мне, что мы вместе на Петршине, только под нами не Прага, а та деревенька, в которой мы в воскресенье были, и поэтому нам надо возвращаться в Прагу поездом. А железнодорожная станция далеко, где-то внизу у садов Кинских². И я тебя целую без остановки и вокруг нас на Петршине ни души.

Теперь проснулся, и все равно словно целую тебя и целую...

Твой Митюшка.

05 июля 1921

² Сады Кинских — парк в пражском районе Смихов, на северо-западном склоне Петршина.

ЯРОСЛАВ

Мальчика отличала необыкновенная женственность. Крупенькое лицо, нежная розовая кожа, каштановые, вьющиеся волосы и милые, темно-карие, с живой икрой, глаза. Будущая жена, единственная любовь и привязанность всей его жизни, в письмах иногда, увлекшись, меняла род сказуемых на женский – «а я сижу взаперти одна-одинешенька оттого, что на улице ходят холостяки и моя Митюшка бы ревновала». Но тому виной не внешность, а трогательная тяга к русскому языку при недостаточном владении как фонетикой, так и морфологией. Хотя, все к одному, конечно.

Отец был математиком. Начинал учителем в школе, закончил статистиком в банке. От него была унаследована необыкновенная память. Исключительная скрытность и неодолимая тяга к спиртному. А внешность, циркульный овал лица, высокий лоб, близко посаженные, но ясные глаза и темная волна волос – от матери. Домохозяйки.

Отца звали Йозеф, а мать Катержина. Она хотела, чтобы сын всегда был с Богом. В одном из своих полу-автобиографических рассказов, на закате очень короткой жизни Ярослав уверял, что и вовсе благословляла принять постриг – «и почему же я не стал вместо этого бенедиктинцем, как ты хотела?» Но это едва ли. Просто была счастлива, что ее кудрявый ангел нарасхват. Прислуживает

сразу в двух храмах — в иезуитском костеле Св. Игнатия Лойолы на Карловой площади и в приходской церкви Св. Штепана на Штепанской. Эта ранняя инициация, кулисы и закулисы пражской мессы, очень возможно и даже вероятнее всего, навсегда оттолкнули Ярослава от церкви и ее жизни. Но вместе с тем и с книгой сделали неразлучным. С Евангелии. Перечисляя несложное имущество большевика из чешских революционеров, сослуживец по богуминской комендатуре времен гражданской вспоминал: «На столе с правой стороны лежали аккуратно сложенные книги: К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест Коммунистической партии» (изданный в Петрограде), Устав РКП (б), В. И. Ленин «Очередные задачи Советской власти», брошюра Дикштейна «Кто чем живет», три книги избранных произведений Н. В. Гоголя, Салтыкова-Щедрина, одностомник стихов Генриха Гейне (на немецком языке) и, наконец, Евангелие». И добавлял: «Насколько я помню, Евангелие он купил у слепой монашки монастыря Пресвятой богородицы за сто тогдашних рублей, причем очень гордился этой покупкой как редким изданием». Получается, что не все мечты и желания матери Катержины сбылись и реализовались, но некоторые все же — слава Богу.

С мечтами и желаниями отца и проще, и сложнее. Мы ничего вообще о них не знаем. Даже не догадываемся. Статистик банка «Славия» Йозеф Гашек, малоразговорчивый, строгий, незаметно для окружающих, в сугубом одиночестве пьющий человек, тяжело заболел и скоропостижно скончался в гриппозном феврале 1896-го. Старшему сыну, мальчику Ярославу, еще не было и тринадцати. Но эта внезапная и невосполнимая потеря подростком отца, скорее всего как раз и сформировала очень характерное, но для окружающих, как далеких, так и близких, загадочное, порою просто необъяснимое душевное устройство, мятущуюся натуру, будущего автора романа о brave солдате Швейке.

Что на поверхности? Страх смерти, конечно. Самое простое. Внезапное и раннее его осознание. Страх, рука об руку с которым, как водится, идет самоубийственное желание неподчинения и игры. Бросить неотступной, неотвязчивой и неминуемой смерти вызов. И обмануть. Надуть здесь и сейчас.